

УДК 101

Е.В. Волохова

кандидат юридических наук

Южно-Российский государственный

политехнический университет (НПИ) им.М.И. Платова

г. Новочеркасск, Россия

redaction-el@mail.ru

СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ КЛЮЧЕВЫХ КАТЕГОРИЙ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

**[*Volokhova E.V.* Freedom in the context of key categories
of modern philosophical anthropology]**

It is considered the relation of the concept "freedom" with the key categories of modern philosophic anthropology. It is argued that the classic understanding of the category "freedom" is related with the explication within the dichotomy between "freedom/responsibility". At the same time, adequate and complete philosophic analysis of the nature of the problem of freedom is inconceivable without its consideration in the context of issues of law as procedural, practical implementation of freedom dependent on the nature and practice of legal relations in the modern socio-cultural space. Moreover, freedom is not only a condition, a form of implementation, but the most important substantive and procedural characteristics of the creative personality.

Key words: freedom, philosophical anthropology, creativity, self-actualization, identity, right.

Философско-антропологическому исследованию проблемы свободы человека в социокультурной реальности рубежа XX – XXI вв. в значительной степени способствует рассмотрение понятия «свобода» сквозь призму смежных философских категорий.

Свобода и ответственность. Классическое понимание категории «свобода» связано с ее экспликацией в рамках дихотомии «свобода/ответственность». При таком подходе к свободе «границы свободы и ответственности совпадают» [11, с. 18]: чем больше свободы, тем больше ответственности. Иными словами, ответственность за совершаемые поступки человек несет лишь тогда, когда он свободно принимал решения об их совершении. В данном случае речь идет о свободе как определителе границ поступка в качестве вменяемого действия.

В то же время существуют подходы, в рамках которых постулируется первичность ответственности по отношению к свободе, которая трактуется как результат вменения ответственности. Г.Л. Тульчинский в качестве примера, подтверждающего идею вторичности свободы относительно ответственности, приводит проблему смертной казни как высшей меры ответственности. Он пишет: «Правом предполагается именно ответственность за свободный выбор – предполагается, что человек мог поступить так, а мог и иначе, и это был его выбор. У одной и той же причины могло быть, как минимум, два следствия» [11, с. 21]. Получается, что для того чтобы быть наказанным, необходимо быть разумным субъектом.

В этой связи нельзя не упомянуть о следующем любопытном факте, приводимом А. Кёстлером и А. Камю: «Животные, виновные в убийстве человека, в Средние века и в отдельных случаях вплоть до XIX века бывали судимы по закону, их защищал адвокат, иногда их оправдывали, чаще же приговаривали к повешению, сожжению или закапыванию живьем» [9, с. 22]. Чаще всего смертной казни подвергались свиньи, лошади, собаки. Практика ее применения исчезла лишь в начале XX в. А в условиях современности в тех странах, в которых она еще действует по отношению к человеку, высшая мера наказания исходит из экспликации свободы воли личности именно как вменяемого субъекта.

Но в этом усматривается и явное противоречие правового подхода к понятию «свобода личности» и научного. Человек в биологическом смысле подвержен влиянию не только социокультурного опыта, но и наследственности, генотипа, переданного предками. Да и сам социокультурный опыт далеко не всегда усваивается в условиях свободы. Более того, он часто навязывается, ибо любое воспитание есть процесс и результат не только и не столько убеждения, сколько принуждения. Кроме того, ребенок всегда развивается в специально созданных социокультурных условиях. Поэтому рассуждать о свободе воле человека вне сложной системы биологических и социокультурных факторов и заявлять о том, что он, будучи вменяемым и совершая противоправное деяние, несмотря ни на что мог противостоять миру, значит следовать не столько глубоко научной аргументации, сколько редукционизму теологического характера. Сама же юридическая практика показывает, что учет физиологических особенностей поведения человека, связанных с действием его нервной и эндокринной систем, иногда служит

основой для аргументации, позволяющей говорить о смягчающих вину обстоятельствах или освобождать человека от ответственности в случае признания его невменяемости как следствия психического заболевания.

Конечно, сразу следует сделать уточнение, что дихотомическая схема «свобода/ответственность» применима лишь в идеальных условиях, в которых функционирует и реализуется принцип *справедливости*. Ибо можно привести многочисленные примеры из различных областей социокультурной практики, подтверждающие несовпадение границ свободы и ответственности в деятельности социальных субъектов. В условиях социального неравенства привилегированные слои общества в социокультурном и политико-правовом отношении часто на протяжении всей своей жизни не несут ответственности за те поступки, которые совершают. И, наоборот, непривилегированные слои общества часто расплачиваются за те решения, которых не принимали в силу отсутствия реальных рычагов свободного принятия решений. Именно поэтому в сознании личности как субъекта социальных отношений понятие «свобода» часто связано с расширением властных полномочий за счет повышения социального статуса. Разумеется, можно полагать, что социокультурное, политико-правовое, этическое измерения несения ответственности несоизмеримы с религиозным толкованием данного вопроса, ибо в христианской традиции «перед Богом все равны» и «от Божьей кары никто не скроется». Тем не менее, вряд ли объективное, беспристрастное научное философско-антропологическое исследование может довольствоваться подобного рода аргументами.

Свобода и право. Адекватный и полноценный философский анализ сущности проблемы свободы немислим без ее рассмотрения в контексте проблемы права. Причем не только сама проблема, но и философский дискурс относительно нее, выраженный в категории «свобода» тесно связан с дискурсом по отношению к категории «право», поскольку объем прав и свобод человека детерминирует как возможности, так и блага человека. Не случайно В.С. Соловьев указывал, что «в основе права лежит свобода как характеристический признак личности» [10, с. 97], но в то же время «принцип права требует ограничить частный произвол в пользу общего блага» [10, с. 97]. Тем не менее, проблема борьбы за расширение прав как отдельного человека, так и целых классов есть в то же время и борьба за расширение пространства их свободы. Именно поэтому одним из критериев культурного прогресса является получение с каждой новой